

Сергей ФЕДОРЧЕНКО

Московский государственный областной университет

Политизация социальных сетей Интернета и легитимность власти

Аннотация. В работе публикуются итоги научного проекта – «Глобально-го исследования политизации социальных сетей». По мнению автора, подрыв доверия граждан различных государств к таким демократическим институтам как партии и парламент приводит не только к видимым последствиям – политическому абсентеизму и общественному эскапизму, но и провоцирует более глубокий процесс стремительной политизации сообществ социальных сетей Интернета. В качестве научной методологии был избран контент-анализ политического дискурса. Проект показал, что в странах различных регионов – от Европы до Латинской Америки – существуют провластные, умеренно оппозиционные и радикальные сетевые сообщества. Сделан вывод, что политизация современных сетей пока больше способствует архаизации и радикализации социальных отношений, чем упрочнению легитимности демократических режимов и конструктивному диалогу общества с властью. Наиболее политизированными социальными сетями оказались Facebook и Twitter.

Ключевые слова: легитимность, социальные сети, легитимация, власть, политический режим, Интернет

Теория и методология проекта

Легитимность означает классическое согласие власти и населения по различным вопросам политической жизни и общественного устройства, что отличается от традиционной законности правовой сферы (Mikołajczyk, 2007). Поэтому этот вопрос также является предметом политологии. До сих пор популярной концепцией у современных политологов является модель легитимности, предложенная Максом Вебером, который выделил харизматичный, рационально-правовой и традиционный типы данного явления (Weber, 2002). Конечно, Вебер, как и Гегель в своих работах, излишне преувеличил роль порядка как такового. Под влиянием идей Просвещения он писал, что индивид разумен и свободен лишь тогда, когда он полно-

стью признаёт политический порядок. Позже за это допущение его критиковали другие исследователи (Макаренко, 1988).

В настоящее время очень трудно разграничить некие идеальные типы легитимности, скорее, есть их своеобразный синкретизм. Нелучайно Карл Юнг писал о том, что общим итогом Реформации, Просвещения и Индустриальной революции стало появление так называемого массового человека Западного мира. Учёный считал, что в новом атомизированном обществе исчезла индивидуальная ответственность, и разобщённые индивиды, наоборот, стали тянуться к группам, коллективам с авторитетными личностями и вождями, способных принять всю полноту ответственности на себя (Одайник, 2010). В конечном счёте, по мнению Юнга, социальная атомизация формирует благоприятные условия для становления диктатуры. Виртуальная реальность красноречиво свидетельствует о стремлении разобщённых пользователи сетей Интернета объединяться в группы для включения в политический дискурс на фоне подрыва доверия к партиям и парламентам. Но является ли Интернет новым горизонтом демократии?

Переход абсентеистов и их политического дискурса в Интернет предполагает формирование различных сетевых политических субкультур и сетевых политических идентичностей со своими авторитетами и ценностями, – как провластных (патриотически настроенных), так и оппозиционных (от конструктивных критиков до радикалов и экстремистов). Эволюция социальных сетей Интернета объективно приводит к новым рискам (и потенциалам) легитимности современных политических режимов по причине аккумуляционного эффекта узлов социальных сетей. Сам узел подразумевает отдельных пользователей в пределах сети (как правило, крупные группы, сообщества), между которыми строятся связи или, по-другому, – френды (friends). Сначала учёными изучалась так называемая виртуализация политики, когда только появлялся Интернет и политизированные темы проникали в социальные сети и сообщества. И совсем недавно стали анализироваться последствия подобного феномена. Так, профессор С. В. Тихонова заметила, что кроме виртуализации общества имеется и обратный процесс – социализация Интернета, в ходе которой виртуальные образы обогащаются реальными, персонифицированными социальными связями (Тихонова, 2016). Получается, что политизированный Интернет стал, наоборот, влиять на общественное сознание реальных людей, особенно на их взгляды на политику власти.

Однако до сих пор распространено заблуждение, что Интернет – демократическое пространство «без границ и вне цензуры». Такая позиция во многом опирается на работы, подобные книге Ж.-М. Гуэнно *Конец демократии* (Guenno, 1993). По его мнению, матрицей новой политики становится не контроль над территорией, а участие в сети. Гуэнно утверждает, что сеть может эффективней выполнять функцию демократического представительства, так как именно в сети происходит фрагментация каждой социальной проблемы, настраивается процесс бесчисленных политических микрорешений. Теория графов говорит обратное, выделяя принцип центрирования, когда в социальных сетях Интернета формируются центральные и периферийные узлы (Freeman, 1979; Kang, Molinaro, Kraus, Shavitt, Subrahmanian, 2012). Именно центральные узлы обладают авторитетом, производят или перерабатывают политическую информацию, контролируя политические коммуникации, тогда как периферийные являются лишь пассивными потребителями, а значит, зависят от первых узлов – источников политических новостей и сообщений.

Не зря голландский политический философ Ф. Анкерсмит критикует Ж.-М. Гуэнно за его излишнюю идеализацию прогрессорской роли сетей в демократическом обустройстве мира. Учёный в своей книге *Политическая репрезентация* призывает полностью не сбрасывать со счетов традиционный представительный институт партий (Анкерсмит, 2012) и не поддаваться соблазну перевести общество, государство и его ведомства на сетевые принципы работы. Анкерсмит разумно усматривает в сетях антидемократическую склонность к солипсизму – замкнутость на собственных проблемах, параллельно предостерегая о рисках возникновения режима экспертократии и политической манипуляции, политического симулякра. Логично не гиперболизировать роль Интернета в современной политике. На этом фоне, скорее, уместно анализировать сетевой характер власти (а не только иерархический), специфику сетевых взаимодействий власти и общества, – ведь феномен сети уже появился в древнейшую эпоху. Достаточно вспомнить политическую историю Древнего Египта Нового царства, когда, почувствовав угрозу своей власти, жрецы религиозных культов разных богов объединились с номархами в своём противостоянии попытке введения нового культа Атона со стороны фараона Эхнатона. Другими словами, социальная сеть и сетевые отношения – довольно универсальное явление, зародившееся ещё задолго до эры Интернета. По этой причине в настоящее время важно

исследовать особенности отражения политических решений в социальных сетях Интернета. Кстати, ещё А. Пшеворский отмечал, что политический режим довольно тесно связан с механизмом принятия властных решений (Przeworski, Limongi, 1993).

Исходя из концептуального переосмысления проблемы, можно предложить рабочую исследовательскую гипотезу – *несмотря на имеющийся абсентеизм и атомизацию социума в современных странах, проявляется стремительная политизация сообществ социальных сетей Интернета по причине подрыва доверия граждан к традиционным политическим институтам – партиям и парламенту.*

Для проверки гипотезы в декабре 2015 – январе 2016 гг. автором статьи была инициирована I волна «Глобального исследования политизации социальных сетей». Целью исследования было изучение наиболее политизированных сообществ (узлов, групп) в популярных социальных сетях. На основании цели ставились следующие базовые задачи проекта:

- обнаружение провластных, патриотически настроенных сообществ социальных сетей;
- выявление сообществ социальных сетей, умеренно оппозиционных/нейтральных по отношению к власти;
- определение радикально настроенных к власти сообществ социальных сетей Интернета.

Научный руководитель проекта – С. Н. Федорченко, доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета (МГОУ), ответственный секретарь серии «История и политические науки» научного журнала «Вестник МГОУ», Почетный член Исторического научного центра Рожкова (Новый Южный Уэльс, Австралия). Координатор проекта – Е. М. Лымарь, бакалавр по направлению подготовки «Политология».

В проекте участвовали студенты-бакалавры МГОУ направления подготовки «Политология». Из них в организационно-аналитической группе: А. А. Белюстин, К. Н. Мацюк-Хмелевская, В. М. Касаткина, В. М. Санникова, А. Е. Раева, В. В. Чекмарёва, А. И. Марченков. Поиск эмпирических данных осуществляли: А. А. Белоусов, Н. Ю. Бенсауд, М. Д. Гришин, П. Р. Зимогляд, Ю. В. Казимилова, И. С. Каптюхин, А. Е. Кизилов, А. А. Колчина, Р. Н. Панасов, Е. С. Милевич, Г. Ю. Ряполов, А. Ю. Филенкова, И. В. Чеботарёва,

Ю. Г. Шестакова, А. А. Шестаков, А. В. Давыдов, С. М. Кузнецов, А. А. Орлова, Е. Н. Полякова, А. Д. Пугачёва, Е. В. Шилова, И. В. Кулаков, М. О. Лукин, П. П. Панфилова, М. К. Рябцев, И. Р. Скрипка.

Масштабный характер исследования потребовал учёт политико-географического принципа, на основании которого была проведена примерная кластеризация Интернета стран по следующим группам: Западноевропейский, Англосаксонский, Латиноамериканский, Азиатский и Африканский кластеры. После выявления кластеров производился подсчёт их участников, полученные данные суммировались для выяснения результата по группам стран. Объектом исследования были популярные социальные сети Интернета: Facebook, Twitter, YouTube, Instagram, LiveJournal, Tumblr, Flickr, Google+. Предметом исследования выступили сообщества (узлы, группы) социальных сетей Интернета с политизированным дискурсом.

Научным методом был избран контент-анализ. Применение контент-анализа отталкивалось от того, что политизация социальной сети учитывает наличие/отсутствие интереса сетевых групп и их участников к определённой тематике, перекликающейся с определёнными ключевыми словами. Обнаружение групп и выявление уровня политизации их участников производился исходя из простого правила: среднестатистический человек, интересующийся Интернетом и мотивированный политически, станет искать соответствующие виртуальные группы по распространённым ключевым словам (тегам). Для выявления политизированного контента использовались следующие ключевые слова: политика, власть, государство, правительство, политические партии, патриотизм, демократия, консерватизм, коммунизм, либерализм, анархизм, монархия, гражданское общество, имена политиков и названия политических партий и т.п. Общий объем материала по тегам определялся путем подсчета количества крупных политизированных сообществ по каждому из ключевых слов. Для определения уровня политизированности социальной сети (по странам и по группе стран в целом) выяснялось, в какой социальной сети (сетях) было представлено самое большое количество сообществ с политизированным дискурсом (Федорченко, 2016).

При анализе уровня политизированности социальных сетей применялся принцип ранжирования, когда учитывались такие признаки как большое количество политизированных узлов, крупная активность и наиболее обсуждаемый контент. Соответственно, каждой из

политизированных социальных сетей в кластере стран присваивался 1 балл, далее велся подсчет. Уже в ходе контент-анализа выяснилось, что в каждой стране количество политизированных социальных сетей разное.

Полученные данные

Итоги авторского проекта показали, что современные демократические государства сталкиваются с новыми вызовами архаизации и даже радикализации политизированных сообществ социальных сетей (таблица 1).

Таблица 1
Специфика дискурса пользователей сетей о власти (%)

Кластеры Интернета	Политические субкультуры		
	провластная	оппозиционная	радикальная
западноевропейский	38	58	4
Англосаксонский	54	33	13
Латиноамериканский	81	18	1
Азиатский	59	35	6
Африканский	41	57	2

Так, в *Западноевропейском кластере* Интернета наиболее политизированными оказались сообщества следующих социальных сетей: Twitter (в 6 из 6 стран кластера), Facebook (в 5 из 6) и YouTube (в 2 из 6). 38% социальных сообществ здесь ориентированы на поддержку провластных, патриотических сил, 58% – оппозиционных, а 4% – радикальных. Например, крупнейшие радикальные политические идентичности были обнаружены в сетевых сообществах Италии и Германии (со одной стороны неофашистские, неонацистские, с другой – исламистские).

Примером радикализации политических идентичностей в европейском Интернете является немецкая «Пегида», которая прибегала к мобилизации антиисламски настроенных граждан посредством платформ Facebook и Twitter. В кратчайшие сроки численность сетевого сообщества «Пегиды» в Facebook достигла 160 тыс. участников, появились угрозы в адрес беженцев (Большова, 2016). О взаимовлиянии offline- и online-идентичности «Пегиды» свидетельствуют

данные социологических опросов, проводившихся в Германии. Например, в сообществе Deutschland konvertiert zum Islam (Германия переходит в Ислам), присутствуют такие записи: «Ein neuer Bruder im Islam! Allahu Akbar» («Новый брат в исламе! Аллаху Акбар») и «Warum möchtest du die Scharia in Deutschland?» («Почему вы хотите шариат в Германии?»).

В Германии пользуются особой поддержкой сообщества, связанные с оппозиционными партиями, в том числе и выступающими против политики ЕС, цензуры и слежки в Интернете. Привлекают немцев и сообщества, в которых люди выступают за немедленную отставку Меркель. Правда, проправительственные узлы всё же активны – они есть не только в Facebook, но и в Twitter. В Испании каждая политическая сила также стремится охватить как можно больше соцсетей для своего продвижения. Особым успехом пользуются националистические сообщества, критикующие политику ЕС и выступающие против сотрудничества с США. Тогда как в Люксембурге существует определенный недостаток интернет-активности людей. Есть только одно исключение – объем интернет-сообществ, поддерживающих Ватикан и Католическую церковь, резко превышает средний уровень поддержки (более 99%) провластных сил в Западноевропейском кластере (Федорченко, Лымарь, Федорченко, 2016).

Можно предположить, что модели консоциативной и центростремительной политики сетевой идентичности в Европе показали свою недостаточную эффективность перед рисками миграционных процессов. Если консоциативный подход устанавливает режим согласованных гарантий через пропорциональное участие групп граждан в представительных органах власти, тогда как центростремительный подход подразумевает электоральные стимулы, ведущие к компромиссам, коалициям и режиму большинства. Исследователь Д. Л. Горовиц отмечает уязвимость принципа распределения власти (power sharing) в европейских государствах, когда, несмотря на внедрение перечисленных моделей политики идентичности, всё равно встречается нарушение интересов меньшинств, есть склонность к доминированию большинства, недовольного распределением власти не в свою пользу (Горовиц, 2016). Кстати, аналогичные тенденции проявляются в среде так называемых немецких «рейхсбюргеров». Это недовольство и проявляется в том, что есть такое большое количество критиков европейских властей, а также Европейского Союза среди пользователей Интернета.

Англосаксонский кластер Интернета включал США, Великобританию, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Здесь получился следующий результат: 54% – поддержка провластных сил, 33% – оппозиционных, 13% – радикальных. Самыми политизированными социальными сетями в англосаксонской группе оказались: Facebook (в 5 из 5 изучаемых стран кластера), Twitter (в 3 из 5), YouTube (в 2 из 5) и Instagram (в 1 из 5). Крупнейшим объемом политизированного контента был найден по следующим тегам: имена политиков и/или названия политических партий – 14%, политика – 11%, политические партии – 11%, либерализм – 11%, религия – 9%, патриотизм – 9%. Наиболее большими по численности радикальными сообществами являются американские и австралийские. В первую очередь, это группы с расистским и религиозным дискурсом (как мусульманские, так и антимусульманские), а также сообщества, направленные на разжигание ненависти между Севером и Югом Соединённых Штатов (Федорченко, 2016).

Кстати, в США был зафиксирован рост сообществ, связанных с флагом Конфедерации (политические хэштеги #southernpride, #confederate_flag). Основная масса участников этих узлов – южане-патриоты, преклоняющихся перед историей своих штатов. Именно в этих группах разворачивается противостояние идентичностей «Юга» и «Севера»: с одной стороны, наблюдается расизм, исламофобия, негативное отношение к гомосексуализму, критика действующей власти, с другой – нетерпимость по отношению к южанам, их истории, флагу Конфедерации. И это было до победы Трампа на президентских выборах в США.

Примечательно, что в сетевых сообществах Великобритании не было замечено большого количества групп, связанных с националистическими настроениями в Шотландии. Активные сетевые узлы, найденные в Facebook и Twitter по тегу Scotland, связаны, в основном, с историей Шотландии или с генеалогической информацией. В Уэльсе дела обстоят несколько иначе: в Facebook встречаются интернет-сообщества, где поднимается вопрос о том, что Уэльс – это страна, а не провинция и не колония, что Уэльс – это не Великобритания. Тогда как в Канаде очень популярны именно официальные страницы правительства, общественных деятелей и СМИ. Критика власти встречается, в основном, только в интернет-сообществах Консервативной партии.

Политизация миграционной темы сближает Интернет Европы и Австралии. Например, во всех австралийских интернет-сетях есть

материал исламофобского содержания. В Новой Зеландии ситуация лучше. Здесь не было обнаружено каких-либо крупных радикально настроенных антиправительственных каналов и сообществ.

Исследование Латиноамериканского кластера Интернета (Бразилия, Перу, Аргентина, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Коста-Рика) показал следующие результаты: 81% – поддержка провластных, 18% – оппозиционных, 1% – радикальных сил в соцсетях. Наиболее политизированными социальными сетями оказались: Twitter (в 6 из 7 стран кластера), Facebook (в 3 из 7) и YouTube (в 2 из 7). Интересно, что в Латинской Америке достаточно развито анархистское движение. К примеру, в мексиканском анархистском сообществе состоит почти 7 тысяч человек, а в аргентинском – 36 тысяч человек. В Венесуэле распространены хакерские сообщества (например, Anonymous Venezuela – <https://twitter.com/VenezuelaAnons>), занимающиеся взломом правительственных сайтов разных стран.

Важно отметить, что Азиатский кластер Интернета (Саудовская Аравия, Иордания, Сирия, Иран, Китай, Южная Корея) предоставил весьма характерные и неоднородные данные: 59% – поддержка провластных сил, 35% – оппозиционных, 6% – радикальных. Самыми политизированными социальными сетями оказались: Facebook (в 5 из 6 стран кластера), Twitter (в 2 из 6), YouTube (в 1 из 6) и Instagram (в 1 из 6). Большой объем политизированного контента в кластере был найден по следующим тегам: религия – 20%, имена политиков и/или названия политических партий – 16%, гражданское общество – 12%.

Нельзя забывать, что в Саудовской Аравии, Сирии, Иране и Китае существуют программы по цензуре информации в Интернете, но власти заинтересованы и в появлении провластных групп в сети. Например, к таковой можно причислить Xijipingoffice в Китае. Вполне можно выделить и подгруппы Азиатского кластера. Так, по подгруппе стран Ближнего Востока: 32% – поддержка провластных сил, 53% – оппозиционных, 15% – радикальных. Тогда как в конфуцианской подгруппе (Китае и Южной Корее): 95% – поддержка провластных сил, 5% – оппозиционных. Но стоит обратить внимание на то, что количество подписчиков у южнокорейских оппозиционных партий и политиков резко возросло за апрель 2016 года. Дело в том, что 13 апреля прошли выборы, на которых правящая партия Южной Кореи потеряла большинство в парламенте впервые за 16 лет.

Индию пришлось исключить из подсчетов уровня поддержки политических сил. Причин было несколько. Во-первых, по популярности сетевых технологий и распространению англоязычного дискурса, Индия близка к Англосаксонскому кластеру, во-вторых, есть влияние и цивилизационно-культурного фактора азиатского региона (Федорченко, Лымарь, Федорченко, 2016).

Вообще, изучая отражение политики в Интернете, становится очевидно, что однозначного «конца идеологии» нет. Наоборот, социальные сообщества подпитывают свой политический дискурс, обсуждая идеи, новости и различные темы, связанные с политическими категориями «равенства» и «свободы». Кстати, ничего нового в этом нет. Ещё русский политический мыслитель П. И. Новгородцев в сочинении «Демократия на распутье» отмечал, что проблема демократии тесно связана именно с вопросами равенства и свободы (Новгородцев, 1995). Политическая идеология не исчезает, она превращается, в том числе, и благодаря коммуникационным потенциалам Интернета, в так называемую «политическую мифологию», включающую сложную эклектику – элементы классических идеологий прошлого века, традиционных религий, архаичных стереотипов и новых политических учений (Cassirer, 2014). Важную роль политической мифологии в жизни человека блестяще показал в своей книге *Миф о государстве* Эрнст Кассирер. Следует отметить, что современные власти Ирана, Саудовской Аравии, Китая хорошо осознают политическую роль сетевых сообществ Интернета. Вот почему они так обеспокоены темой формирования лояльных к политическому режиму интернет-пользователей.

Анализировались и страны Африканского кластера Интернета (Марокко, Египет, Кения, Нигерия, ЮАР и Тунис). Поддержка политических сил в африканских социальных сетях следующая: 41% – симпатии к провластным силам, 57% – оппозиционным, 2% – радикальным. Политизированными социальными сетями оказались: Facebook (в 5 из 6 стран кластера), Twitter (в 2 из 6), YouTube (в 1 из 6), Instagram (в 1 из 6). В ряде африканских государств, как и в части азиатских, внедрена интернет-цензура. Например, в Марокко, где имеются случаи интернет-цензуры, есть серьёзные риски для легитимности политического режима: за оппозицию 72% участников сообществ, тогда как за правительство всего лишь 28%. Важно отметить, что государствам этого региона уже недостаточно одной лишь цензуры, поэтому они заинтересованы в профилактике

«цветных революций» – увеличении пользователей провластных социальных узлов (к примеру, подобные активные узлы есть в Египте, испытавшем на себе эффект так называемой «Арабской весны»).

Выводы

Результаты «Глобального исследования политизации социальных сетей» фактически подтвердили рабочую гипотезу автора. Политические субкультуры действительно имеют своё отражение в виртуальном пространстве. В настоящее время абсентеисты, не доверяющие таким традиционным политическим институтам как партии и парламент, постепенно переориентируются на обсуждение политических тем в социальных сетях Интернета. Здесь они образуют новые социальные сообщества, разделяющиеся по идеологическим интересам, но в основном относящихся к проблематике «равенства» и «свободы». Естественно, власть стремится учитывать эти процессы виртуализации и мифологизации политики.

Проект показал, что самыми политизированными социальными сетями стали Facebook и Twitter. Важно заметить, что в современных сетевых сообществах стран Европы и Ближнего Востока наблюдается высокий уровень поддержки оппозиционных сил. Порядка 12% всех политизированных сообществ было найдено именно по тегу «религия» (в том числе и по тегу «ислам»). Получается, что Интернет в современных странах может быть не только демократической площадкой, но и удобной средой для радикализации и архаизации социально-политических отношений. Контент-анализ сетей свидетельствуют о том, что из-за «архаического отката в сети» есть риск начала активного формирования в социальных сетях радикальных и экстремистских сообществ как религиозного, так расистского и неонацистского толка. С другой стороны, у современных демократических режимов всё больше появляется соблазнов по созданию эффективного политического симулякра, манипулирующего общественным сознанием через социальные сети Интернета и ограждающего властные элиты от радикально настроенной оппозиции. Без соответствующего развития гражданского общества может возникнуть серьёзный перекося – государство априори имеет большой мобилизационный потенциал политических, информационных и экономических ресурсов. Тогда как во многих современных демократических странах силы

гражданского общества разрознены, несут противоречивый характер и не всегда в полной мере артикулируются через институт политических партий и парламентов. Результатом этого «перекоса» может стать то, что властные элиты, захватив информационную инициативу через государственный механизм, постепенно создадут Политическую Матрицу, где проявятся многие элементы сюжета одноимённого фильма Вачовски, проекта Паноптикума Иеремии Бентама, книги Джорджа Оруэлла *1984*, произведения Евгения Замятина *Мы* и научно-фантастического романа-антиутопии Рэя Бредбери *451 градус по Фаренгейту*. Обосновываться это будет различными причинами – перенаселением, выходом из миграционного кризиса, призывами к безопасности, экономическими соображениями, угрозами терроризма, возрождением военно-политического могущества и т.п.

Появление оппозиционных и радикальных политизированных сетевых сообществ Интернета отчётливо видно на примере США (сетевая субкультура «южан» и «северян») и Германии. Однако такие страны как Китай, Индия или Южная Корея показали, что интернет-сообщества могут служить поддержкой для авторитета власти в обществе. Таким образом, современная легитимность власти уже не может учитывать только силовые методы. Наступление сетевой эпохи, о чём постоянно пишет в своих работах Мануэль Кастельс, заставляет власть искать новые сетевые приёмы для усиления и поддержания собственного авторитета. Отсюда становится понятно значение современной виртуализации политической сферы, когда обсуждение тем власти, политических новостей переходит в социальные сети Интернета.

Однако пока недостаточно изучен обратный процесс – социализация Интернета, когда сообщества социальных сетей начинают оказывать определённое воздействие на реальную политику современных властных элит, партий и государств. Для этого потребуется проведение следующих волн «Глобального исследования политизации социальных сетей», сравнение эмпирических данных и новое концептуальное осмысление проблемного поля.

Библиография

- Анкерсмит Ф. (2012), *Политическая репрезентация*, ВШЭ, М., с. 227–235.
- Большова Н. Н. (2016), «Пегида» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса, „Политические исследования“, № 3, с. 123–137.

- Горовиц Д. Л. (2016), *Распределение власти в полиэтничных обществах: три большие проблемы*, „Политическая наука”, № 1, с. 210–223.
- Макаренко В. П. (1988), *Вера, власть и бюрократия (критика социологии М. Вебера)*, Издательство Ростовского университета, Ростов-на-Дону, 305 с.
- Новгородцев П. И. (1995), *Сочинения*, Раритет (Библиотека духовного возрождения), М., с. 448.
- Одайник В. (2010), *Психология политики: Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга*, Азбука-классика, СПб., с. 59–73.
- Тихонова С. В. (2016), *Социальные сети: проблемы социализации Интернета*, „Полис. Политические исследования”, № 3, с. 138–152.
- Федорченко С. Н. (2016), *Глобальное исследование политизации социальных сетей*, „Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer”, № 8 (319), с. 57–67.
- Федорченко С. Н., Лымарь Е. М., Федорченко Л. В. (2016), *Итоги глобального исследования политизации социальных сетей*, „Стратегическая стабильность”, № 4 (77), с. 69–73.
- Cassirer E. (2014), *The Myth of the State*, Book Crafters, Middletown, p. 283–230.
- Freeman L. C. (1979), *Centrality in Social Networks' Conceptual Clarification*, „Social Networks”, № 1, p. 215–239.
- Guenno J. M. (1993), *La Fin de democratie*, Flammarion, Paris, 180 p.
- Kang Ch., Molinaro C., Kraus S., Shavitt Y., Subrahmanian V. S. (2012), *Diffusion Centrality in Social Networks*, „IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining”, Washington–Tokyo, p. 557–564.
- Mikołajczyk A. (2007), *Legitymizacja prawa*, w: *Leksykon współczesnej teorii i filozofii prawa*, red. J. Zajadło, Warszawa, s. 169–170.
- Przeworski A., Limongi F. (1993), *Political Regimes and Economic Growth*, „The Journal of Economic Perspectives”, vol. 7, № 3, p. 58.
- Weber M. (2002), *Wirtschaft und Gesellschaft*, Mohr Siebeck, Tübingen, 945 s.

The politicization of Internet social networks and the legitimacy of power

Summary

The paper presents the results of a research project “Global study of the politicization of social networks.” According to the author, undermining the citizens’ trust in democratic institutions such as the parliament and political parties in various states leads not only to visible consequences – political absenteeism and social escapism, but also provokes a deeper process of the rapid politicization of Internet social networks. A content analysis of political discourse has been selected as the academic metho-

dology. The project has shown that in countries of various regions – from Europe to Latin America – there are pro-government, opposition, and moderately radical network communities. It is concluded that the politicization of modern networks is more conducive to the archaization and radicalization of social relations than strengthening the legitimacy of democratic regimes and constructive dialogue with the government of society. The most politicized social networks are Facebook and Twitter.

Key words: legitimacy, social networks, legitimization, power, political regime